

Как-то раз, после одного из своих выездов в мир, Старец сказал: «Сегодня грех вошел в моду. Из тех людей, с которыми я встречался и беседовал, на исповеди было менее десяти процентов. Я испытываю потребность исповедоваться каждый день, а они – не находят в себе грехов!»

□□□ Сам Старец жил в другом духовном пространстве. Он оценивал свои поступки иначе, чем люди мира сего. Для других он всегда находил смягчающие вину обстоятельства, однако самого себя – судил строго. Он говорил: «Залог того, что кто-то ведет подлинную духовную жизнь, это – большая строгость к себе самому и – много снисходительности к другим. Человек не должен использовать каноны, как пушки, против других людей». Старец занимался тонким духовным деланием. Он каялся, исповедовался и, подражая Святым, с любочестием совершал подвиги и соблюдал монашеские правила, будучи побуждаем к этому лишь собственным произволением. Он говорил: «Когда Святые называли себя грешниками, они в это верили. Их духовные очи стали подобны микроскопам, и свои даже незначительные – прегрешения – они видели как большие грехи».

□□□ Когда Старец говорил о себе самом, могло создаться впечатление, что он великий грешник. Он напряженно переживал покаяние, однако в себе испытывал утешение и радость, которые передавались и тем, с кем он общался.

□ Когда Старец видел, что человек кается и меняет образ жизни с греховного на добродетельный, он не скрывал радости. Он сострадал вместе с кающимися и укреплял

их. Своей любовью он, словно смазкой, покрывал грехи кающихся и помогал им прийти к покаянию. Он удивлялся и огорчался, видя, что падение в грех приводит людей к малодушию и отчаянию. Он говорил: «Но ведь есть покаяние! Неужели твои грехи превосходят милость Божию?» И добавлял: «Меня не интересует – насколько великий грешник тот или иной человек. Меня беспокоит, познал ли он самого себя. Бог будет судить каждого из нас в соответствии с тем деланием, которое мы совершили по отношению к своему ветхому человеку. Если душа отсекает свои недостатки, то она предстает пред Христом прекрасной».

Старец огорчился из-за того, что «люди потеряли чувство покаяния. Они грешат, и совесть их в этом не обличает. Хотя у нашего внутреннего человека столько работы, что она никогда не кончится. Покаяние никогда не заканчивается, подобно тому как над резной деревянной иконой можно трудиться с увеличительным стеклом хоть всю жизнь. Если человек не начнет работать над самим собой, то диавол найдет ему другую работу – заниматься другими. Необходимо стяжать духовную чуткость. Христианин должен увидеть страсти, живущие у него внутри, каяться в них, а не стараться их забыть. Европейцы, как крышкой, покрывают сверху свою совесть, а потом живут так, что их нельзя назвать ни больными, ни здоровыми. Если в нашей духовной жизни происходит падение, то нам надо не расстраиваться, а приводить себя в порядок. Я, когда видел какой-то из своих грехов, – радовался. Я радовался тому, что мне открылась одна из моих ран и я могу ее исцелить. Вот, предположим, человек разбивает стакан и после этого смеется. Беда не в том, что он разбил этот стакан, а в том, что он не осознает того, что он сделал. Раз он смеется, раз он не осознает своей ошибки, то он будет разбивать стаканы еще и еще. Печаль человека должна соответствовать степени его прегрешений, потому что в противном случае он будет впадать в те же самые грехи».

